

УДК 316.4

## РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ КРИЗИСНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ

М. К. ГОРШКОВ<sup>1)</sup>

<sup>1)</sup>Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук,  
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, 117218, г. Москва, Россия

Посвящена многоаспектному анализу состояния и динамики развития российского общества в условиях новой реальности, опосредованной внешними и внутренними угрозами и рисками, которые связаны с последствиями экономического кризиса в России в 2014 г. Эмпирическую базу составляют результаты общенационального социологического мониторинга, проводимого с 2014 г. по настоящее время научной группой Института социологии Российской академии наук (с июля 2017 г. – Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук). Полученные в ходе исследования выводы общесистемного и контекстного характера позволяют в режиме социологической диагностики обратиться к проблематике жизненных приоритетов современных россиян. Особое внимание уделяется адаптационным возможностям российского населения, стратегиям адаптации различных социальных групп к складывающейся ситуации, анализу практик экономического и политического поведения россиян в кризисных ситуациях. Рассматривается воздействие кризисной ситуации на материально-экономическую основу российской повседневности, а также удовлетворенность россиян различными аспектами жизни. Диагностируется системное изменение взаимоотношений работников и работодателей. Оценивается социально-психологическая динамика российского социума в рассматриваемый период. Анализируются устойчивость и изменчивость мировоззренческих ориентаций и жизненных приоритетов россиян, ресурсы социальной интеграции в полиэтничном и религиозном пространстве России.

**Ключевые слова:** российский социум; массовое сознание; кризисная ситуация; экономические и политические практики поведения; адаптация; жизненные приоритеты; социальный ресурс; интеграция; консолидация; ценностно-нормативная система.

**Благодарность.** Исследование проведено в рамках проекта Российского научного фонда № 14-28-00218-II «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (руководитель проекта – М. К. Горшков).

## RUSSIAN SOCIETY IN THE CONTEXT OF CRISIS REALITIES: INTERNAL AND EXTERNAL FACTORS

M. K. GORSHKOV<sup>a</sup>

<sup>a</sup>*Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,  
24/35 Krzhizhanovskogo Street, 5 building, Moscow 117218, Russia*

The paper focuses on the results and main conclusions of a multidimensional analysis of the state and dynamics of Russian society in a new reality, mediated by external and internal threats and risks aggravated by the consequences of the economic crisis that started in Russia in 2014. The empirical basis for it is formed by the results of the national sociological monitoring survey, covering the period from 2014 to present, which is carried out by the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences research team (since July 2017 – the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian

---

### Образец цитирования:

Горшков М. К. Российское общество в условиях кризисной реальности: внутренние и внешние факторы // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 3. С. 24–43.

### For citation:

Gorshkov M. K. Russian society in the context of crisis realities: internal and external factors. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 3. P. 24–43 (in Russ.).

---

### Автор:

**Михаил Константинович Горшков** – академик РАН, доктор философских наук; директор.

### Author:

**Mikhail K. Gorshkov**, academician of the Russian Academy of Sciences, doctor of science (philosophy); director.  
[m\\_gorshkov@isras.ru](mailto:m_gorshkov@isras.ru)

Academy of Sciences. System-wide and contextual conclusions obtained through the survey allow to apply to sociological diagnostics of the life choices and vital priorities of modern Russians. Particular attention is given by the author to the adaptive capacities of Russian population, adaptation plans and strategies used within different social groups, in-depth analysis of Russians' economic and political behaviour in crisis. The paper also considers the impact of crisis on material and economic aspects of Russian everyday life, and Russians' satisfaction with the different issues of their existence. A systematic change in employer-employee relationship is diagnosed. The socio-psychological dynamics of Russian society is assessed during the period under review. The author explores sustainability and volatility of Russians' worldviews, values and aspirations, as well as the resources for social integration in a poly-ethnic and religious space of Russia.

**Key words:** Russian society; mass consciousness; crisis situation; economic and political patterns of behaviour; adaptation; vital priorities and life choices; social resource; integration; consolidation; system of norms and values.

**Acknowledgments.** The research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 14-28-00218-II «Dynamics of social transformation of modern Russia in socio-economic, political, socio-cultural and ethno-religious contexts» (the head of the project – M. K. Gorshkov).

## Введение

Современная социальная динамика, усложнение общественной жизни предъявляют повышенные требования к социологическому знанию комплексного характера, прежде всего в аспектах, касающихся всестороннего анализа и объяснения состояния и тенденций развития как отдельных сфер жизни общества, так и социальных изменений, происходящих в нем, в целом. Данная проблема особенно актуальна в контексте изучения российского социума, не одно десятилетие переживающего противоречивые трансформационные процессы и по-прежнему решающего вопрос выбора вектора собственного развития.

Как известно, комплексные исследования социальных трансформаций, имеющих место в обществах разного типа, предполагающие и нацеленные на учет полифакторных воздействий и взаимовлияний, в последние годы регулярно становились предметом изучения многочисленных областей гуманитарного знания. Однако акцент в них делался по большей части на всеохватность и применение нормативистского и компаративистского подходов. Неслучайно наибольшую известность и признание получили научно-аналитические, академические исследования, предлагающие не только и не столько данные, характеризующие текущее положение дел, сколько широкое полотно фактов и объяснительных схем, учитывающих совокупность факторов, определяющих специфику общественных изменений как в целом, так и в отдельных их аспектах – от цивилизационных, ценностных до экономических и политических.

Обращаясь к комплексным исследованиям социальных трансформаций в мировой науке, следует не только подчеркнуть в качестве доминирующего их лейтмотива выбор оптимальных политических стратегий и практик, но и заявить о необходимости широкой постановки данного вопроса.

Имея в виду возможности совмещения теоретической интерпретации социально-политических трансформаций с использованием социологического мониторинга как организационно-методи-

ческой и аналитической базы их изучения, стоит прежде всего отметить наиболее значимые проекты, осуществленные под руководством Р. Инглхарта в рамках Всемирного исследования ценностей (*World Values Survey*) [1–4].

В плане соотношения экономических, социальных, политических, этнических, религиозных и культурных индикаторов методологический и теоретический интерес представляет Европейское социальное исследование (*European Social Survey*), позволяющее на основе массовых опросов, проводимых в странах Европы по методике Ш. Шварца, определить взаимосвязи изменений в социальных и политических институтах, ориентаций, верований, а также ценностей и поведения в европейских обществах и России [5–7].

Необходимо отметить присутствие в российском социогуманитарном поле комплексных, междисциплинарных работ, посвященных анализу происходящих в России социальных трансформаций и интерпретации особенностей протекающих в ней процессов. На протяжении 2000-х гг. социологические, политологические и социально-экономические исследования социальных преобразований в РФ, осуществляемые сквозь призму параметров идентичности, возможностей и специфики модернизационных процессов, выработки направлений эффективной государственной политики, систематически проводятся исследовательскими группами Института социологии Российской академии наук (ИС РАН) [8–13].

При рассмотрении различных аспектов социальных трансформаций российского социума заметен очевидный сдвиг к включению в поле анализа социокультурных переменных, индуцирующих специфику политических, институциональных и ценностных корреляций [14; 15].

Таким образом, анализ проводимых исследований демонстрирует присутствие в гуманитарной рефлексии попыток осмысления широкого спектра современных тенденций, связанных с проблематикой изучения обусловленности общественных

преобразований. Вместе с тем в них наблюдается дефицит *многоаспектного контекстного аналитического подхода*, способного сочетать теоретико-концептуальную и практико-ориентированную исследовательскую работу по выявлению особенностей социальных трансформаций с установлением количественно-качественных параметров состояния и динамики российского социума по принципу *здесь и сейчас*. Все это и побудило научную группу ИС РАН к осуществлению масштабного социологического проекта<sup>1</sup>, направленного на изучение состояния и динамики российского общества, испытывающего на себе одновременное воздействие трансформационных процессов и кризисных условий жизнесуществования.

Осуществление проекта началось осенью 2014 г. при финансовой поддержке Российского научного фонда. Программой предусматривалось проведение (каждые шесть месяцев) общенациональных социологических исследований, направленных на изучение трансформационных процессов, которые происходят в современной России в контексте общественных ситуаций.

Объем выборочной совокупности каждого исследования составлял 4000 респондентов, репрезентирующих взрослое население страны в возрасте 18 лет и старше в разбивке по полу, возрастным когортам, уровню образования и типу поселения.

### К определению исследовательской стратегии

Исследовательскую стратегию применения контекстного подхода в значительной степени определили результаты *первой волны* мониторинга (октябрь 2014 г.) [16], совпавшей по времени с резкими изменениями внешнеполитической конъюнктуры, а также внутренними кризисными явлениями в финансово-экономической сфере. Особенность сложившейся в России общественной ситуации потребовала учесть воздействие на массовое сознание и поведение россиян как внутренних факторов, так и внешнеполитических и экономических способов влияния, равно как

*Репрезентативность социологической информации* обеспечивалась использованием модели многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения (респондентов) на последней ступени. При этом на *первой ступени* выборки районирование осуществлялось по территориально-экономическим районам Российской Федерации в соответствии с принципами, разработанными и применяемыми Федеральной службой государственной статистики для контроля социально-экономических показателей в динамике. *Вторая ступень* выборки включала выделение типичных субъектов РФ в составе каждого территориально-экономического района страны. *Третья ступень* выборки заключалась в следующем: внутри субъектов РФ осуществлялось дальнейшее районирование, которое заключалось в расчете статистических квот по степени урбанизированности по пяти типам поселений: мегаполисы; административные центры субъектов РФ; административные центры районов; поселки городского типа; села. На *четвертой ступени* выборки, т. е. при непосредственном отборе интервьюерами респондентов для опроса по заданным квотам, соблюдались квоты по основным социально-профессиональным признакам респондентов<sup>2</sup>, а также возрастные пропорции по пяти когортам: 18–30 лет, 31–40, 41–50, 51–60, 60 лет и старше.

и реакцию общества на изменившуюся среду обитания.

Как показал анализ результатов, базисные факторы, составляющие основу функционирования современного российского социума, не только не претерпели в начальный период кризиса каких-либо существенных трансформаций, но и не подверглись ситуативным изменениям, способным нарушить общий строй жизни россиян, породить среди них массовые упаднические умонастроения, спровоцировать протестные действия и недоверие граждан государственным институтам. Напротив,

<sup>1</sup>Программа трехлетнего мониторинга подготовлена и осуществлена научной группой ИС РАН в следующем составе: М. К. Горшков (руководитель), В. В. Петухов (заместитель руководителя), И. О. Тюрина (координатор), А. Л. Андреев, В. А. Аникин, Е. М. Арутюнова, Р. Э. Бараш, Л. Г. Бызов, Ю. А. Гаврилов, Л. М. Дробичева, А. В. Каравай, И. М. Кузнецов, Ю. В. Латов, Н. В. Латова, Ю. П. Лежнина, С. В. Мареева, М. М. Мчедлова, Е. И. Пахомова, Р. В. Петухов, Н. Н. Седова, Е. Д. Слободенюк, И. Н. Трофимова, Н. Е. Тихонова, А. Г. Шевченко, Ф. Э. Шереги (специалисты, осуществляющие выборку и первичную статистическую обработку информации).

<sup>2</sup>На стадии квотного отбора респондентов соблюдались долевые квоты по следующим социально-профессиональным признакам: 1 – рабочие промышленности, строительства, шахт, не имеющие высшего образования; 2 – инженеры промышленности, строительства, шахт, имеющие высшее образование; 3 – работники торговли, общественного питания, сферы услуг, транспорта, коммунальных служб, имеющие среднее (или ниже), начальное и среднее профессиональное образование; 4 – работники финансовых, страховых компаний, сферы торговли, услуг, транспорта, коммунальных служб, имеющие высшее образование; 5 – работники (служащие) вузов, школ, сферы здравоохранения, управления (административного, политического), науки, искусства, СМИ, имеющие высшее образование; 6 – работники (лаборанты, операторы, библиотекари, секретари, медсестры и др.) вузов, школ, сферы здравоохранения, управления (административного, политического), науки, СМИ, имеющие среднее или среднее профессиональное образование; 7 – военные, работники МВД, таможи, налоговых служб, имеющие любое образование; 8 – студенты вузов и учащиеся; 9 – жители сел, поселков.

стремление ряда ведущих западных стран «наказать» Россию за ее воссоединение с Крымом, поддержку русскоязычного населения на Юго-Востоке Украины вызвало в обществе подъем патриотизма и в какой-то мере консолидировало мировоззренчески противостоящие друг другу социальные группы и политические движения российских граждан. Что же касается *контекста текущего времени*, то среди наиболее важных его черт и показателей опрос выявил следующие:

- при всей остроте и критичности оценок сложившейся в стране ситуации состояние социального самочувствия россиян не вышло за пределы показателей, характерных для наблюдавшихся ранее периодов стабилизации и дестабилизации общественной обстановки;

- противоречивые массовые суждения, посредством которых население определяло проблемы своей повседневной жизни, оказались сопряжены в основном с пониманием взаимообусловленности внутренних и внешних факторов, опосредующих характер общественной ситуации;

- массовое сознание претерпело смену приоритетов, затронувшую оценку основных источников угроз для России: если в 2013 г. доминирующими в глазах наших сограждан были внутренние угро-

зы, то осенью 2014 г. фокус общественного внимания сместился на внешние;

- главным узлом, связывающим, по мнению россиян, потенциально опасные для стран события и процессы, явился украинский кризис, а именно втягивание в него России, а также расширение НАТО на восток и обусловленное этим нагнетание международной напряженности стали составлять основу повестки дня, отражающей наиболее опасные тенденции;

- отношение различных слоев населения к введенным против России западным санкциям оказалось сдержанным и предопределенным привычным им образом жизни, а также устоявшимся уровнем потребления, а готовность к переходу жизни общества в режим экономии, поддержка мер по укреплению мощи России – достаточно высокими.

В целом, как показало осеннее исследование 2014 г., сформировавшийся в предшествующее десятилетие социально-экономический и духовно-психологический ресурс российского общества способствовал умеренности общественной реакции массовых слоев населения на новые реалии, смягчив при этом остроту восприятия возникших проблем.

### Острая фаза кризиса в сознании и поведении россиян

*Вторая волна* мониторинга (март 2015 г.) [17] была нацелена на изучение последствий наиболее острой фазы экономического кризиса в контексте анализа повседневной жизни российских граждан. Полученные данные зафиксировали, что если осенью 2014 г. умонастроения россиян и их отношение к власти определялись главным образом внешнеполитической повесткой дня, то к весне 2015 г. характер восприятия ими ситуации в стране стал меняться, правда, на первый взгляд не слишком существенно. Это происходило под влиянием экономического кризиса, а также первых итогов введенных против России санкций и встречных антизападных санкций с ее стороны.

В условиях нынешнего экономического кризиса наиболее распространенной формой его воздействия на повседневную жизнь россиян стал рост цен, затронувший большую, чем кризис 2008–2009 гг., часть населения страны и оказавшийся сопоставимым по степени болезненности с ситуацией в 1998–1999 гг. Если весной 2015 г. проблема роста цен воспринималась россиянами острее, чем в прошлом, то трудности на работе затронули относительно меньшую, чем шесть лет назад, их часть. Тем не менее в период осени 2014 – весны 2015 г. страх безработицы оказался одной из основных болевых точек российского общества. В условиях низких показателей увольнений и реальной безработицы подобный страх имел, скорее

всего, социально-психологическую природу и объяснялся панической боязнью людей остаться без средств к существованию при минимальном разрыве пособий по безработице, с одной стороны, и отсутствии у большинства россиян сбережений, позволяющих им прожить до нахождения нового рабочего места, – с другой.

В составе представителей разных профессиональных групп были выявлены и различия в стратегиях адаптации к новым условиям бытия, связанные с диверсификацией трудовых доходов. Так, например, разовые приработки – традиционно популярная и повсеместно распространенная в разных профессиональных сообществах практика приспособления к жизненным трудностям, «обгоняющая» в этом смысле совместительство, в условиях кризиса оказались в большей степени свойственны рабочим. В то же время «белые воротнички» с высшим образованием относительно чаще, чем представители других групп, как и ранее, прибегали к практике совместительства.

Поскольку весной 2015 г. экономическая и социально-политическая ситуация в стране оказалась достаточно напряженной, то и в умонастроениях россиян стала фиксироваться большая, нежели обычно, тревожность. Вместе с тем даже на этом фоне в социальных нишах общества не возникало признаков паники. Кризисная фаза октября 2014 – марта 2015 г. не продемонстрировала той глубины,

которая стимулировала бы дополнительное социальное напряжение, готовое вылиться в реальные протестные умонастроения и действия. Более того, отмеченные нами тенденции консолидации нации и массового роста патриотизма, порожденные антироссийскими санкциями и поведением западных политических лидеров в период празднования 70-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне, а также относительная незначительность потерь в период кризиса способствовали проявлению в различных группах населения зачатков новых культурных образцов, ориентированных на мобилизацию общенациональных ресурсов. Очагами локализации подобного «ренессанса патриотизма» выступили Москва и Санкт-Петербург, а основными его носителями – россияне средних лет из числа обладающих возможностями, достаточными для абстрагирования от личных проблем и включения в собственные приоритеты общенациональных задач.

В ходе второго этапа исследовательских работ было установлено, что российское общество вошло в новый виток кризиса с устоявшимися зонами институционального доверия и недоверия. Зону доверия образуют институты, деятельность которых воспринимается россиянами как забота об общем благе и ассоциируется с представлениями о целостности, единстве, стабильности и безопасности. Именно такой смысл наши сограждане приписывают институтам президентства, армии и церкви. В зоне же недоверия оказываются институты, чья активность перекликается в сознании масс с реализацией частных – групповых, территориальных, отраслевых, партийных – интересов.

Результаты второго этапа реализации проекта позволили оценить состояние современного российского гражданского активизма и дали основание утверждать, что он, несмотря на кризисный период, имеет потенциал прежде всего потому, что *приобретает черты субъектности*. Основными его носителями являются люди с активной позицией в отношении собственного бытия и будущего, имеющие амбиции в различных сферах жизнедеятельности (особенно в образовании, самореализации, социальных коммуникациях), ориентированные на неконформизм, инициативность и предприимчивость, готовые к борьбе за свои права и позитивные перемены в среде обитания.

Данные исследования весны 2015 г. зафиксировали: независимо от обострения или некоторого сглаживания кризисных явлений уровень реального политического участия российских граждан практически не растет. Как и в предыдущие годы, в указанный период он составил не более 1 %. Важным в данном контексте представляется уро-

вень социального активизма молодежи в возрасте 18–30 лет, превышающий аналогичные показатели иных возрастных когорт: 16 % молодых россиян указанной возрастной группы заявили о своем участии в интернет-сообществах, 7 % – в деятельности волонтерских движений, по 4 % – в работе экологических и благотворительных организаций.

В России предоставляются широкие возможности для гражданской самоорганизации на базе интернет-коммуникаций. Под влиянием расширяющегося доступа к ним действиями гражданских активистов создается сеть многообразных ресурсов, направленных на развитие *практик низовой солидарности*. Власти разного уровня все активнее используют механизмы «электронной демократии», инициируют создание интернет-площадок гражданского участия и непосредственного общения с населением.

И наконец, как убедительно продемонстрировали результаты второй волны мониторинга, российский социум довольно динамично по историческим меркам движется в сторону современного общества потребления, в котором зависимость населения от власти постепенно снижается, а личные интересы начинают превалировать над общественными. Так, за четыре года доля тех, кто безусловно нуждается в поддержке государства, снизилась с 66 до 56 % (данные 2011 г. и весны 2015 г. соответственно). Одновременно на те же 10 % выросла численность россиян, рассчитывающих на свои собственные силы (34 % против 44 % соответственно).

Как и следовало ожидать, самодостаточная часть общества локализуется в основном среди молодых и хорошо обеспеченных российских граждан, а также граждан, отличающихся выраженными достигательными установками и стремлением к самореализации. Возможно, именно этим и объясняется позитивный социально-психологический настрой тех россиян, которые способны решать свои проблемы без государственной поддержки [18].

Установка на самодостаточность не имеет прямой связи с противопоставлением себя государству. О ней заявляют даже те, кто работает на государство на профессиональной основе (военные, государственные гражданские служащие, работники правоохранительных органов и т. п.). В данном случае социологическая диагностика свидетельствует о дальнейшем, несмотря на кризисные условия бытия, движении значительной части общества по пути адаптации к экономическим и политическим реалиям современной России, равно как и о формирующемся *новом субъекте* экономического и социально-политического действия, способном в предлагаемых обстоятельствах выйти на авансцену ключевых событий и процессов общественной жизни.

## О массовом восприятии кризисной реальности

Третья волна исследования была осуществлена в октябре 2015 г. [19]. Иницилируя ее, рабочая группа проекта преследовала цель выяснить, как годичное воздействие кризисной ситуации повлияло на материально-экономическую основу российской повседневности, удовлетворенность граждан различными аспектами жизни. Особый интерес представляли вопросы о роли различных ресурсов адаптации населения к условиям кризиса и о наличии у россиян запаса прочности, способного поддержать их в случае его продолжения.

Результаты показали: к концу 2015 г. градус напряженности массового сознания и чувствительность граждан страны к угрожающим ей факторам были по-прежнему высоки. Внешний враг продолжал оставаться в глазах населения главной негативной силой и аккумулировал на себе возможное недовольство; общество адаптировалось к экономическим трудностям, опираясь на известную формулу: «лишь бы не было войны».

Что касается экономического положения россиян, то в 2015 г. происходила консервация его ухудшения. При том, что средние показатели индивидуального и семейного дохода за кризисный год не снизились и даже несколько возросли, этот рост не смог перекрыть влияния инфляции. Кроме того, в разрезе групп с разными доходами динамика указанных показателей имела разнонаправленный характер: в 2014 г. средние доходы нижнего дециля по меньшей мере не сократились, а верхнего – упали. Это хотя бы отчасти способствовало снижению неравенства, зафиксированного статистическими и социологическими данными. Однако даже с учетом негативной динамики доходов положение представителей двух верхних децилей россиян оставалось качественно отличным от положения остальной части населения. В итоге более благополучные группы реже заявляли, что пострадали от кризиса в целом и наиболее распространенных его форм, связанных с ростом стоимости жизни и падением уровня доходов. Подобная реакция объясняется тем, что экономическое положение их представителей опосредуется не исключительно текущими доходами (что характерно для менее благополучных групп россиян), а более широкими возможностями и ресурсами, позволяющими смягчать последствия влияния кризисных явлений в экономике на собственную жизнь.

Кризис продолжал влиять на большую часть российского населения, главным образом через сопутствующий ему значительный рост цен, воспринимаемый, правда, менее остро, чем в 2014 г. Второй компонент его воздействия на материальное положение россиян – сокращение доходов, спровоцированное проблемами на предприятиях, – затронул в основном жителей Москвы и Санкт-Петербурга

(44 %), нежели проживающих в остальных типах населенных пунктов (23–28 %). Распространенность иных форм влияния кризиса на благосостояние граждан России (потеря работы, задержки выплаты заработной платы, неоплачиваемые отпуска) в течение 2015 г. практически не изменилась.

Как показало исследование, в условиях кризиса процессы «оптимизации» издержек больше всего ударили по работающим россиянам, проживающим в сельской местности. За год кризисного бытования увольнения в селах приняли массовый характер, а проблемы с постоянной занятостью трудоспособных членов семьи возникли в каждом седьмом сельском домохозяйстве. Как следствие, в селах стали более распространены массовые переработки, к тому же гораздо реже оплачиваемые. Что же касается подсобного хозяйства, то в настоящее время в российских деревнях практика его ведения в основном утрачена. Во всяком случае даже после года кризиса в условиях роста уровня сельской безработицы подсобное хозяйство являлось значимым подспорьем для семейного бюджета менее чем для 40 % селян, а торговля выращенной в нем сельхозпродукцией была характерна для считанных сельских домохозяйств. Это позволяет говорить о том, что в *российских селах начинает доминировать урбанизированная модель занятости*.

Текущий кризис актуализировал проблематику ресурсообеспеченности российского населения. Представители высокоресурсного населения, имевшие к началу кризиса значительный запас прочности, пострадали материально в наименьшей степени, хотя в реальном исчислении уровень их доходов снизился сильнее, чем в составе других групп. Вместе с тем это не означает, что они испытывали меньше проблем. Дело в том, что влияние кризиса на высокоресурсную группу граждан оказалось гораздо более комплексным и многообразным. Среди основных форм этого влияния были не только рост цен и падение уровня доходов, испытываемые остальными россиянами, но и пережитое многими из них изменение ситуации на работе. И хотя накопленный запас прочности, в том числе и в части квалификационного и социального ресурсов, позволяет им пока нивелировать последствия воздействия экономического кризиса на уровень жизни, это не означает полного и безмятежного благополучия.

Что касается низкоресурсных групп российских граждан, то они пострадали от кризиса сильнее, чем среднестатистический россиянин, даже несмотря на опережающий все остальные группы населения рост их номинальных доходов. В первых, отсутствие не только экономических, но и всех остальных видов ресурсов не позволило им

скомпенсировать снижение уровня их реальных доходов. Во-вторых, в силу низкого качества человеческого капитала их в первую очередь затронули последствия ухудшения ситуации на рынке труда. В-третьих, отсутствующий или низкокачественный социальный ресурс не позволил представителям низкоресурсных групп населения опереться на поддержку собственных социальных сетей.

Наряду с базисной ролью *экономического ресурса* третья волна мониторинга выявила значимость и других адаптационных ресурсов россиян (властного, квалификационного, социального и проч.). Так, было подтверждено, что значимым фактором устойчивости благосостояния населения в период кризиса в российских реалиях выступает *квалификационный ресурс*, обладание которым, однако, не гарантирует его носителям стопроцентного сохранения благополучия, хотя и заметно повышает вероятность этого.

*Социальный ресурс* существен в плане повышения адаптационных возможностей россиян не только с точки зрения его наличия или отсутствия, но и в разрезе характерных особенностей разных видов поддержки. Фактически все ресурсы с точки зрения их объема и наличия демонстрируют значимую статистическую связь с *ресурсом культур-*

*ным*. Однако в условиях кризиса эффективнее всего последний работает там, где он наиболее дефицитен – в российских селах, в которых мала численность людей, выросших в образованных семьях [20].

Как показали результаты третьей волны мониторинга, экономический кризис усугубил в массовом восприятии россиян проблему неравенств: осенью 2015 г. лишь 3 % населения согласились с тем, что в российском обществе отсутствуют острые социальные неравенства, а 9 % отметили, что сами не страдают ни от одного из них. При этом наиболее остро в настоящее время россияне воспринимают неравенство доходов (что неудивительно, ибо в современной России доходное неравенство не только значительно само по себе, но и опосредует целый ряд немонетарных неравенств, от которых страдает население) [21].

Кризисный год не мог не повлиять на положение различных социальных слоев общества, прежде всего бедных и представителей среднего класса. И действительно, как выяснилось в ходе очередного этапа мониторинга, в условиях кризиса 2014–2015 гг. численность российских бедных увеличилась по сравнению с предкризисными 2012–2013 гг. вдвое и составила осенью 2015 г. четверть всего населения.

### Ответ социальной психологии и экономического поведения россиян на вынужденные обстоятельства

В рамках *четвертой волны* проекта (март 2016 г.) [22] исследовательская стратегия была направлена на выявление относительно устоявшихся черт жизнестойкости российского социума, характеризующих повседневные практики граждан в контексте продолжающегося кризиса, причем не только в социально-экономической, но и в иных сферах жизнедеятельности.

С учетом того, что имманентной стороной любого вида человеческой деятельности является

психоэмоциональная составляющая, было важно оценить социально-психологическую динамику российского социума в кризисный период. Как показали данные, после небольшого улучшения массовых оценок ситуации в России, имевшего место в конце 2015 г., весной 2016 г. произошел очередной всплеск тревожных умонастроений. Численность россиян, оценивающих ситуацию в России как напряженную, возросла, а доля тех, кто воспринимал ее как спокойную и нормальную, снизилась (рис. 1).

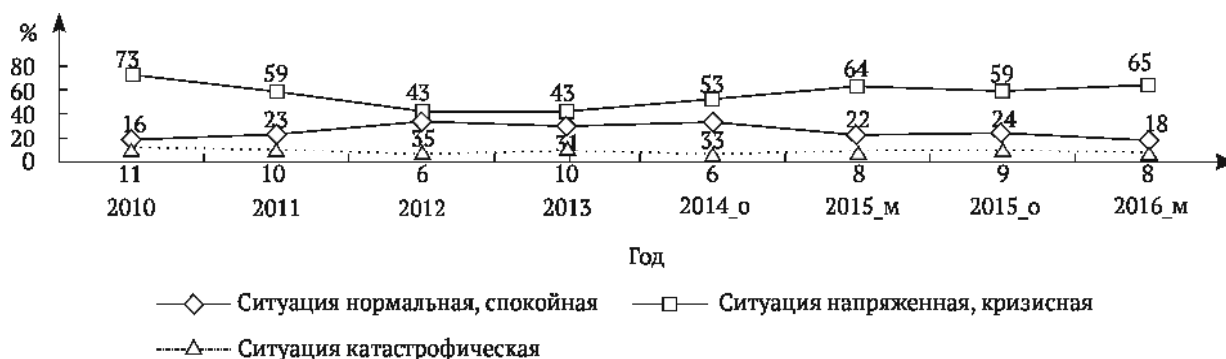


Рис. 1. Динамика оценок населением ситуации в России, 2010–2016 гг., %<sup>1</sup>

Fig. 1. Trends in Russians' assessments of the situation in Russia 2010–2016, %

<sup>1</sup>В анкете присутствовал также не представленный на рисунке ответ «Затрудняюсь ответить», поэтому общая сумма ответов менее 100 %. Здесь и далее: 2014\_о – опрос в октябре 2014 г., 2015\_м – опрос в марте 2015 г., 2015\_о – опрос в октябре 2015 г., 2016\_м – опрос в марте 2016 г., 2016\_о – опрос в октябре 2016 г.

С оценкой ситуации, сложившейся в России к весне 2016 г., согласуется оценка перемен, произошедших в ней за последнее время. Если осенью 2015 г. в массовом сознании россиян фиксировался некоторый всплеск оптимизма, связанный с определенной стабилизацией социально-экономической обстановки, то последующие шесть месяцев продемонстрировали: стабилизация оказалась временной. Очередное негативное изменение курса валют и последовавший за ним рост цен привели к новому сдвигу в оценках населением достижений общества.

Накопленный за годы экономической стабильности запас прочности позволял россиянам поддерживать равновесие между позитивным и негативным социально-психологическим состоянием. Однако к весне 2016 г. кризисная ситуация сдвинула чаши весов с точки равновесия и привела к *доминированию*, пусть и небольшому, *среди населения негативного социально-психологического состояния*. При том что данный сдвиг далек от показателей кризисной обстановки 1998 г. (тогда негативное личное социально-психологическое состояние отмечало около 90 % населения, а ныне – 53 %), он служит симптомом, свидетельствующим о необходимости более пристального внимания к состоянию и динамике умонастроений россиян.

Детальная социологическая диагностика общего психологического состояния россиян несколько сглаживает картину преобладания в обществе негатива над позитивом. С одной стороны, показатели весны 2016 г. ухудшились по сравнению с осенним периодом 2015 г. (снизилась доля людей, испытывающих эмоциональный подъем и спокойствие, увеличилась доля ощущающих раздражение). Однако они не сильно отличались в худшую сторону от тех, что были зафиксированы в течение всего 2015 г. Так, сравнительно с показателями 2014 г., наиболее деструктивные настроения (такие как агрессия, озлобленность, раздражение) остались на том же уровне. Заметное ухудшение претерпела лишь одна позиция: россияне стали чаще проявлять чувства безразличия, апатии и подавленности (показатель вырос в два раза). Указанные чувства хотя и негативны, но, по крайней мере, не связаны с деструктивным поведением.

Менее оптимистичной по результатам четвертой волны оказалась картина социально-психологического состояния окружения россиян. Те негативные характеристики, которые отличали его осенью 2015 г., не только сохранились, но даже немного усилились: позитивно психологическое состояние своего окружения воспринимала лишь треть населения России. Ухудшение оценок социально-психологического состояния окружающих наблюдалось в первую очередь среди наиболее депривированной части российских граждан – тех,

у кого хуже материальное положение, меньше возможностей самостоятельно бороться с трудностями, больше причин озлобляться из-за неудач.

Соединяя информацию о личном социально-психологическом состоянии россиян и состоянии их окружения, можно получить целостную картину накопления в обществе психоэмоционального негатива. Другие показатели (оценка ситуации в стране, материальное положение граждан России) также указывают на то, что население осознало: кризис – это всерьез и, возможно, надолго. Однако осознание данного факта вовсе не означает, что общество смирилось с ним и готово спокойно сидеть и ждать у моря погоды. Относительно стабильный 2015 г. дал возможность более глубоко оценить ситуацию и перераспределить имеющиеся ресурсы, чтобы минимизировать потери.

В условиях сложившейся в обществе турбулентной ситуации вполне объяснимо, почему ключевыми проблемами, волнующими россиян, являются те, что непосредственно затрагивают повседневную жизнь. Весной 2016 г. подавляющее большинство россиян продолжало испытывать беспокойство в связи с ростом цен на товары и услуги, ростом платежей ЖКХ, снижением уровня жизни значительной части населения. В пятерку ключевых проблем входили также сокращение доступа к бесплатным социальным услугам и безработица. Все остальное отходило для населения на второй план.

Примечательно, что проблемы, связанные с внешнеполитической ситуацией или общим вектором развития общества, волнуют население в меньшей степени: о них задумываются представители более благополучных слоев общества. Сложные жизненные ситуации, опосредованные материальными возможностями, относительно менее остро, чем в остальных типах населенных пунктов, воспринимаются в мегаполисах и городах-миллионниках. Однако при этом их жителей относительно чаще, чем жителей иных поселений, беспокоят вопросы, определяющие качество жизни и безопасность проживания в большом городе.

На втором году кризис стал оказывать значимое влияние на повседневную жизнь россиян, так или иначе затрагивая большинство из них. Как и в его начальной стадии, в большей степени от него продолжали страдать наименее благополучные, низкодоходные группы. В этих условиях *основной стратегией адаптации для населения стала экономия*. Весной 2016 г. только 13 % россиян не начали экономить по причине отсутствия необходимости в этом или подобного желания. Остальные россияне (87 %) отметили, что кризис заставил их изменить привычные модели потребления. Наиболее частыми направлениями экономии для населения оказались покупка одежды и обуви, продуктов питания и отдых. Кроме того, около 40 % россиян



стали также экономить на текущем досуге и приобретении дорогостоящих товаров длительного пользования.

К исходу второго года кризиса стало очевидно: адаптационные возможности работающего населения в значительной степени блокируются *обострением ситуации в сфере занятости*. В сущности, это является одним из основных следствий текущего кризиса. Как убедительно показали результаты третьей и четвертой волн мониторинга, проблемы занятости выражаются в самых разнообразных формах: увольнения с последующей безработицей, сложности нахождения новой работы, распространение практик неоплачиваемых отпусков и задержек зарплаты, несоблюдение работодателями трудового законодательства, все в большей степени включающее перевод занятости в тень.

При скромных официальных цифрах безработицы в 2014–2016 гг. на фоне высокой текучести кадров в российской экономике стала выделяться длительная безработица (безработица застойного характера). Весной 2016 г. каждый второй безработный находился в поиске работы более полугода. В особенности данная проблема актуальна для сельской местности. Если в городах потерявшие работу длительно безработные находили ее в 80 % случаев и более, то в селах доля таковых составила менее половины. Добавим, что явление застойной безработицы наиболее характерно для полярных возрастных групп – среди молодежи 18–30 лет и лиц предпенсионного возраста.

Специального внимания заслуживает осмысление и того факта, что на втором году кризиса на 15 % выросло число домохозяйств с неработающими пенсионерами. Учитывая частичную (сравнительно с темпами инфляции) индексацию пенсий, подобная динамика ведет к снижению уровня жизни значительной доли населения.

### О посткризисном состоянии российского общественного мнения

Приступая к осуществлению *пятой волны* настоящего проекта (октябрь 2016 г.) [24], исследовательский коллектив исходил из того, что с момента начала кризиса 2014 г. прошло два года. В течение этих лет, как показали предыдущие социологические замеры, в обществе сохранялась неопределенность. Однако, как свидетельствовали результаты опроса, к октябрю 2016 г. в умонастроениях россиян произошли довольно существенные позитивные изменения.

Впервые за последние два года оценка населением ситуации в стране приблизилась к исходным показателям начала кризиса. Доля тех, кто воспринимал ее как напряженную, кризисную, все еще превышала половину населения РФ (56 %), но этот показатель почти совпал с аналогичным показателем октября 2014 г. (53 %) и был лучше, чем показатель 2011 г. (59 %).

При всей очевидности негативных последствий, связанных с отмеченными явлениями в сфере занятости, все же не они с позиции комплексной социологической диагностики определяют «лицо» кризиса 2014–2016 гг. Его главное негативное следствие – *системное изменение взаимоотношений работников и работодателей со смещением акцента в этих отношениях в сторону углубления бесправного положения работающих*. Речь идет не столько о сокращении прав работников (это относится прежде всего к ограничениям права на забастовки), сколько о несоблюдении работодателями тех прав трудящихся, которыми они формально обладают [23]. По данным социологических замеров, это относится главным образом к отказу оплачивать сверхурочные работы, больничные листы и декретные отпуска, сверхустановленному законодательством увеличению продолжительности рабочей недели, административному принуждению к уходу в неоплачиваемый отпуск, сокращению выплаты «белой» зарплаты.

В целом, по данным мониторинга ИС РАН, весной 2016 г. половина работающего населения страны так или иначе находилась вне действия трудового, пенсионного и социального законодательства РФ. При этом проблемы социальной защищенности в наибольшей степени затронули работающее население «малой России» (села, поселки городского типа, малые – до 100 тыс. жителей – города). С учетом полученных данных есть основания утверждать: *задачи перестройки отечественной экономики, преодоления характерных для нее текущих кризисных явлений доморощенные работодатели* (а вместе с ними и так называемые эффективные менеджеры) *стремятся решать за счет работников* – путем наращивания объемов их трудовых нагрузок с одновременным снижением их социальной защищенности.

Одновременно стала расти доля позитивно настроенных россиян. Таким образом, *российские граждане, похоже, адаптировались к новым экономическим реалиям, и, по крайней мере в массовом сознании, кризис начал утрачивать свою остроту и значимость*.

С оценкой текущей ситуации в стране согласуется оценка перемен, произошедших в ней за последний год. Если в марте 2016 г. очередное негативное изменение курса валют и последовавший за ним рост цен способствовали нагнетанию пессимизма в оценках населением достижений России, то по прошествии полугода (в октябре 2016 г.) наметились существенные позитивные сдвиги: треть населения страны (30 %) отметила улучшение ситуации, тогда как ее ухудшение констатировали лишь немногим больше половины россиян (51 % против 69 % весной 2016 г.) (рис. 2).



Рис. 2. Динамика оценок населением перемен, произошедших в России за 2013–2016 гг., %

Fig. 2. Trends in Russians' assessments of the changes that occurred in the country for the period from 2013 to 2016, %

Пятая волна показала, что со знаком «минус» воспринимается не только состояние экономической сферы жизнедеятельности общества, но и его моральный климат, характер международных отношений, тенденции развития в нем демократии, состояние дел в социальной сфере.

Единственное исключение – борьба с терроризмом. Здесь, по мнению респондентов, позитивные изменения последних трех лет явно преобладают над негативными. Позитивные сдвиги произошли и в массовых оценках результатов борьбы с коррупцией (табл. 1).

Таблица 1

Оценка респондентами изменений в различных областях жизни  
российского общества за последние годы, %

Table 1

Respondents' assessment of recent changes in various spheres of Russian life, %

Области жизни российского общества	Оценка респондентов	Период		
		2011 г.	Октябрь 2014 г.	Октябрь 2016 г.
Состояние экономики страны в целом	Улучшалось	46	46	13
	Не изменялось	25	30	26
	Ухудшалось	29	24	61
Моральное состояние общества	Улучшалось	14	25	9
	Не изменялось	34	37	38
	Ухудшалось	52	38	53
Международные отношения	Улучшались	20	18	12
	Не изменялись	33	39	51
	Ухудшались	47	43	37
Ситуация в области прав и свобод, развитие демократии	Улучшалась	28	21	12
	Не изменялась	49	61	63
	Ухудшалась	23	18	25
Борьба с коррупцией, законность и правопорядок	Улучшалась	14	24	26
	Не изменялась	36	51	46
	Ухудшалась	50	25	28

Окончание табл. 1  
Ending table 1

Области жизни российского общества	Оценка респондентов	Период		
		2011 г.	Октябрь 2014 г.	Октябрь 2016 г.
Ситуация в социальной сфере (здраво- охранении, образовании, культуре)	Улучшалась	19	25	12
	Не изменялась	30	41	40
	Ухудшалась	51	34	48
Борьба с терроризмом	Улучшалась	26	43	43
	Не изменялась	37	47	42
	Ухудшалась	37	10	15

Показателем тенденции к улучшению ситуации в России является также изменение оценок респондентами существующего в обществе социального напряжения. Вполне закономерно, что любой кризис снижает общее ощущение комфортности жизни и ведет к усилению напряжения: именно такая картина наблюдалась в российском социуме в кризис 2008–2009 гг. Тогда всего за полгода доля ощущающих социальное напряжение увеличилась с 59 до 83 %. С марта 2015 г. по март 2016 г. усиление напряжения в обществе отмечало 61–64 % населения, что существенно меньше, чем в 2009 г., но все же составляет почти 2/3 населения страны.

Однако к октябрю 2016 г. позитивные сдвиги наметились и в данном вопросе: доля отмечающих, что напряжение немного или существенно возрастает, снизилась до 52 % (самый низкий показатель на фоне двух последних кризисов). При этом почти вдвое увеличилась доля полагающих обратное (с 12 % в марте 2016 г. до 21 % в октябре 2016 г.). Одновременно постоянно росла доля сторонников нейтральных оценок, согласно которым ситуация в стране не меняется ни в лучшую, ни в худшую сторону (рис. 3).

Как подтвердили результаты пятой волны мониторинга, оценка влияния кризиса тесно связана с материальным положением граждан, даже в большей степени – с его субъективной оценкой: так, доля оценивающих личный ущерб от кризиса как очень значительный, наиболее велика среди имеющих доходы ниже половины региональной медианы (12 %), а также среди тех, кто считает свое материальное положение плохим (15 %). Выявлена и прямая зависимость между оценкой ущерба от кризиса и общим социально-психологическим состоянием россиян: среди оценивающих ущерб от кризиса как катастрофический 39 % испытывают страх и опасения в отношении будущего страны, в то время как среди тех, кому кризис не причинил ущерба, доля таковых лишь 5 %.

Рост цен и падение реальных доходов россиян привели к тому, что экономия стала широко распространенной стратегией адаптации к новым экономическим условиям. Осенью 2016 г. чуть

более четверти россиян (27 %) отмечали, что у них нет необходимости начать экономить в результате кризиса, для остальных изменение экономических условий все-таки повлекло за собой смену привычных моделей потребления в одной или нескольких сферах.

Наиболее частыми статьями экономии оказываются при этом покупка одежды и обуви (53 % среди всего населения и 72 % среди сокративших расходы), продуктов питания (43 и 59 % соответственно) и отдых (43 и 59 %). Одновременно россияне стали массово экономить на досуге и дорогостоящих товарах длительного пользования.

Практики экономии затронули большинство представителей всех доходных групп населения. Однако ее интенсивность все же различалась в зависимости от материального положения. Абсолютно все направления экономии чаще использовались наименее благополучными в материальном плане группами.

Таким образом, экономия остается преимущественной стратегией адаптации населения к новой кризисной реальности. Однако стоит учитывать, что так или иначе она уже охватила подавляющее большинство россиян, причем прежде всего наименее обеспеченных. Вопрос о том, насколько возможно дальнейшее сокращение потребления, особенно без заметного ущерба для человеческого капитала населения страны, остается открытым.

Что же касается второй наиболее распространенной стратегии адаптации – поиска дополнительных источников заработка, – то к ней гипотетически готовы прибегнуть 46 % россиян. Однако для реалистичной оценки приведенной цифры следует учитывать, что осенью 2016 г. совместительство являлось одним из основных источников дохода только для 4 % работающих, а разовые приработки – еще для 14 %, и эти доли не изменились за 2016 г. Тем самым, несмотря на то что значительная доля россиян заявляет о своей готовности адаптироваться к кризису посредством поиска дополнительных источников дохода, данные о реальной ситуации указывают на малую распространенность подобной стратегии адаптации на практике.

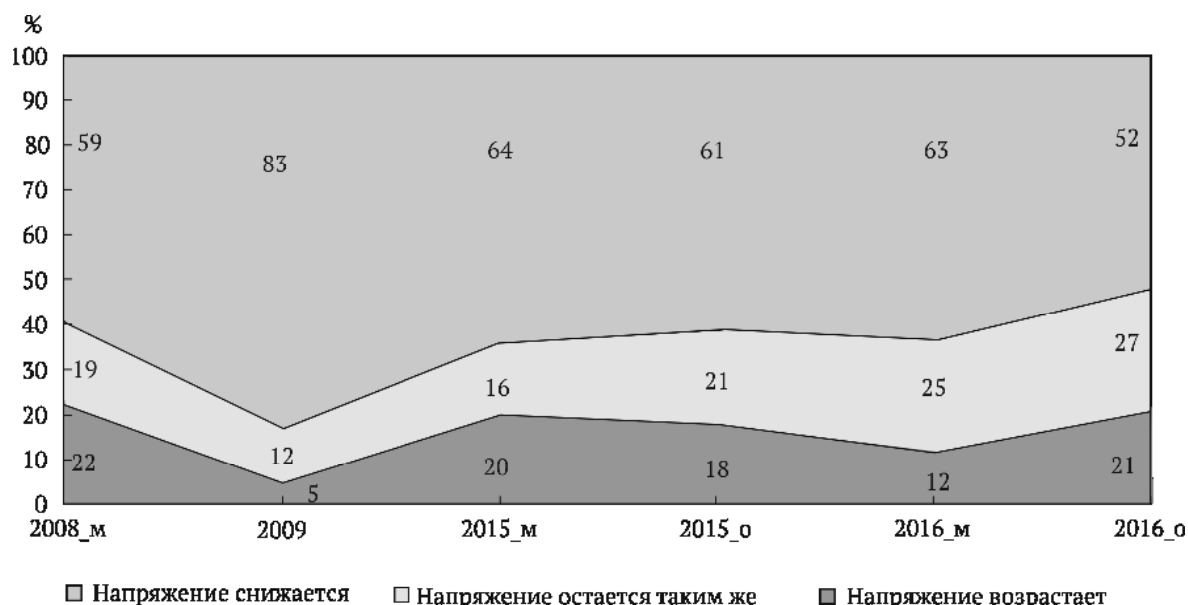


Рис. 3. Динамика оценок россиянами напряжения в обществе в 2008–2016 гг., %

Fig. 3. Trends in Russians' assessments of social tension in the society 2008–2016, %

Следует отметить, что общий рейтинг предполагаемых стратегий адаптации к кризису, как и доли населения, выбирающего конкретные варианты этих стратегий, практически не изменился за двухлетний период кризиса. Наиболее заметные изменения (не повлиявшие, однако, на общую картину) затронули стратегии обращения за помощью к родственникам: доля не исключаящих для себя такой вариант действий сократилась с 20 до 16 %. Это неудивительно с учетом, что 15 % населения уже были вынуждены начать экономить на той материальной помощи, которую оказывали ранее.

Одновременно с этим возросла доля тех, кто планирует полагаться на стратегию самообеспече-

ния продуктами питания с приусадебного участка. Данные об основных источниках доходов россиян свидетельствуют о том, что частота использования подсобного хозяйства возросла в результате кризиса: осенью 2016 г. в числе основных источников его называли уже 20 % населения, и эта доля увеличилась по сравнению с осенью 2014 г. в два раза. В случае дальнейшего ухудшения материального положения две последних стратегии упоминаются главным образом представителями наименее обеспеченных групп населения. Таким образом, *ключевым* как декларируемым, так и реально используемым *механизмом кризисной адаптации* для россиян *продолжала выступать экономия на расходах.*

### Граждане России о международном статусе, настоящем и будущем своей страны

Анализ исторического сознания российских граждан показывает: для так называемых великих наций (многочисленных, с большими историческими заслугами) вопрос о месте страны на международной арене представляется существенно важным, значимо влияющим на национальное самосознание.

На протяжении последних трех столетий ведущим вопросом самоопределения России на мировой арене был вопрос о том, кем она является: одной из цивилизаций Запада (наряду с США, Германией, Великобританией), одной из цивилизаций Востока (как Китай или Индия) или чем-то промежуточным, евразийским? За последнее десятилетие данная самоидентификация россиян претерпела качественные изменения. Если в начале 2000-х гг. граждане России чаще всего полагали свою страну частью Европы, то к концу прошлого десятилетия

мнения о месте России разделились поровну: одна половина населения продолжала считать ее частью Европы, в то время как другая воспринимала Россию как особую евразийскую цивилизацию.

Кризис 2014 г., начавшийся с событий на Украине и последующих антироссийских санкций со стороны стран Запада, привел к дальнейшей эскалации смены вех. На конец 2014 г. уже почти 2/3 россиян считали Россию особой евразийской цивилизацией (табл. 2).

Подобная цивилизационная самоидентификация сохраняется и в настоящее время: 40 % респондентов придерживаются мнения о том, что Россия – часть Европы (Запада), 60 % считают ее особой евразийской цивилизацией. В то же время подавляющее большинство россиян (более 70 %) убеждено, что Западная Европа имеет к России чисто потребительский интерес и заинтересована

не в равноправном сотрудничестве, а в природных ресурсах страны. С этой точкой зрения соглашались даже многие (примерно треть) сторонники прозападной ориентации России. Приведенные данные позволяют говорить о *стабильном доминировании массового ощущения отчужденности России от Запада*.

В массовом сознании россиян на нерешенность/неопределенность цивилизационной принадлежности России накладывается неясность ее статуса в международной политической иерархии. Среди россиян существуют разногласия как в том, кем Россия *реально является*, так и в том, кем она *должна быть*.

Таблица 2

Мнения россиян о взаимоотношениях России и Запада (Европы), 2007–2016 гг., %

Table 2

Russians' views on relations between Russia and the West (Europe), 2007–2016, %

Мнения россиян		Период		
		2007 г.	Октябрь 2014 г.	Октябрь 2016 г.
		Количество респондентов, %		
Цивилизационная ориентация России	Россия – часть Европы. В XX в. она оказала огромное влияние на судьбы европейских государств и народов и в XXI в. она будет теснее всего связана именно с этим регионом мира	50	36	40
	Россия не является в полной мере европейской страной. Это особая евразийская цивилизация и в будущем центр ее политики будет смещаться на Восток	50	64	60
Цели сотрудничества Западной Европы с Россией	Страны Западной Европы заинтересованы в равноправном экономическом сотрудничестве с Россией	24	26	28
	Западная Европа заинтересована исключительно в природных ресурсах России (нефть, газ)	76	74	72

Оценивая реальное положение современной России на мировой арене, россияне хотя и не единодушны в деталях, но вполне определены в общем видении своей страны как государства-лидера. Подавляющее большинство (порядка 60 %) из них согласно с тем, что сегодня Россия если и не великая держава (как считает треть российских граждан), то по крайней мере одна из ведущих стран мира (таково мнение более четверти жителей страны). Только 1/5 часть россиян (среди них – высокая доля малообеспеченных) полагает, что в наши дни Россия вообще не входит в число наиболее влиятельных стран мира; 17 % затрудняются в оценке ее статуса.

Абсолютное превалирование позитивных мнений о сильной России в условиях экономического кризиса может показаться возрождением советской мечты о глобальном лидерстве вопреки экономической отсталости. Однако нормативные представления россиян о том, к каким геополитическим целям должна стремиться страна, демонстрируют, что с течением времени граждане, напротив, склоняются к более умеренной версии российского лидерства. Если в 2007 г. более трети хотели бы вернуть России статус супердержавы, то в наши дни таковых чуть более 1/4. Наиболее часто высказываемое еще в 2000-е гг. мнение, согласно

которому РФ должна быть одним из наиболее экономически развитых и политически влиятельных государств мира, но все же не супердержавой (45 %, по данным 2007 г.), оказалось в 2014–2016 гг. лидирующим (52 %) (табл. 3).

В 2000-е гг. чаще иных высказывалось мнение о том, что основные угрозы для России – внутренние. Во время конфликта с Грузией в 2008 г. на короткое время значимость внутренних и внешних угроз сравнялась, однако затем восстановилось преобладание точки зрения о первичности внутренних угроз. После событий 2014 г. произошло новое скачкообразное изменение общественного мнения о соотношении внутренних и внешних угроз для России, причем эта смена знаков оказалась стабильной. Если сравнивать начало 2015 г. с предкризисным 2013 г., то за это время почти в два раза (с 42 до 79 % имеющих мнение по данному вопросу) выросла доля считающих основными угрозами те, которые исходят из-за рубежа. Одновременно почти в три раза (с 58 до 21 %) сократилась доля тех, кто считал основные угрозы России внутренними по их происхождению (рис. 4). *Поскольку большинство россиян считало и продолжает считать основными внешние угрозы (главным образом исходящие от стран Запада), происходит сплочение нации вокруг власти, прежде всего вокруг президента.*

Таблица 3

Мнения россиян о том, к каким целям должна стремиться Россия в XXI в., 2007–2016 гг., %

Table 3

The goals that Russia should strive for in the 21<sup>st</sup> century through Russian eyes 2007–2016, %

Вариант ответа	Период		
	2007 г.	Октябрь 2014 г.	Октябрь 2016 г.
	Количество респондентов, %		
Вернуть статус супердержавы, какой был у СССР	35	26	26
Быть одной из наиболее экономически развитых и политически влиятельных стран мира	45	52	51
Быть лидером на постсоветском пространстве	6	9	8
России не следует стремиться к глобальным целям	7	4	6
Затрудняюсь ответить	7	9	9

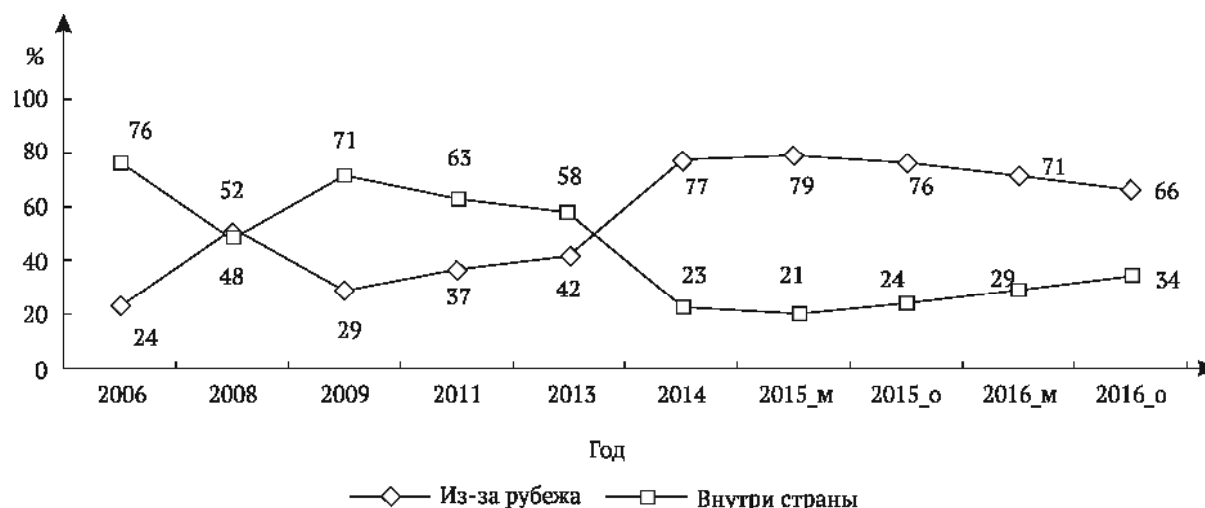


Рис. 4. Динамика оценок населением источника основных угроз для России в 2006–2016 гг., %

Fig. 4. The main sources of threats to Russia in the mass consciousness of Russians, 2006–2016, %

Вряд ли можно сомневаться в том, что при отсутствии нового витка политической конфронтации россияне будут постепенно возвращаться к мысли о первостепенной значимости внутренних факторов развития страны. Однако в настоящее время главным лейтмотивом массового сознания в осмыслении мировой ситуации остается конфронтация сильной России с Западом – конфронтация, в которой, как считает большинство россиян, Россия, страдая от внешних угроз, не должна поддаваться западному влиянию.

Что касается чувств в отношении будущего России, то массовое сознание в основном вернулось к ситуации конца 2000-х гг., предшествовавшей началу полосы кризисов. Как и в августе 2008 г. (т. е. накануне кризиса 2008–2009 гг.), россияне, думая о будущем страны, чаще всего испытывают надежду и уверенность (более 2/5 населения). Еще треть колеблется между уверенностью и страхом. Чувства страха и опасения испытывает примерно 1/7 на-

селения страны. Назвать это высоким оптимизмом нельзя (57 % респондентов *не очень* уверены в будущем страны или даже *очень не* уверены в нем). Однако для общества с серьезными внутренними проблемами столь сдержанный оптимизм в отношении национального развития вполне уместен.

Представления современных россиян об их личном будущем примерно аналогичны: 44 % респондентов уверены в нем полностью или частично; 29 % – скорее не уверены, 13 % – совершенно не уверены. Во время кризиса 2014–2016 гг., по аналогии с кризисом 2008–2009 гг., доля не уверенных в своем будущем должна была, по логике развития событий, расти, а доля уверенных в нем – сокращаться. Однако к осени 2016 г. оценки россиянами собственных перспектив мало отличались от оценок первого полугодия 2008 г.

Обращает на себя внимание существенная зависимость между представлениями россиян о личном будущем и о будущем страны. Среди тех, кто

не уверен в первом, почти треть (30 %) не уверена и во втором, в то время как среди уверенных в своих перспективах крайне мало (около 4 %) не уверенных в перспективах национального развития. В то же время среди уверенных в своем личном будущем подавляющее большинство (73 %) оценивает будущее России с оптимизмом, в то время как среди неуверенных – таковых гораздо меньше (15 %). Как и следовало ожидать, среди пессимистов, совершенно не уверенных ни в собственном будущем, ни в будущем своей страны, абсолютно преобладают малообеспеченные (60 %).

Важнейшим показателем характера восприятия россиянами будущего своей страны является их готовность к переменам. Поскольку подавляющее большинство экспертов и социальных групп недовольно многими «правилами игры» и результатами их применения (коррупция, недоразвитость демократии, сырьевая ориентация экономики, низкие доходы населения и т. д.), следовало, казалось бы, ожидать преобладания в массах установки на реформы. Однако на самом деле с конца 1990-х гг. фиксируется неуклонное снижение доли россиян,

требующих существенных перемен (с 69 % в 1999 г. до 28 % в 2012 г.), сопровождаемое увеличением доли ищущих стабильность (с 31 до 72 %).

С началом череды кризисов в 2008 г. затормозился рост числа сторонников стабильности: в 2012–2014 гг. соотношение сторонников и противников перемен почти не менялось. Однако опрос, проведенный осенью 2016 г., зафиксировал обратную тенденцию: в сравнении с весной 2014 г. доля сторонников перемен выросла почти на треть (с 30 до 39 %), одновременно уменьшилась доля сторонников стабильности (с 70 до 61 %) (рис. 5).

Анализ отношения к переменам в стране позволил выявить и другую важную тенденцию. В конце 2000-х гг. большинство (54 %) тех, кто не желал изменений, обосновывало это удовлетворенностью политикой властей, прежде всего В. В. Путина. В настоящее время подобная мотивация нежелания перемен приводится заметно реже (лишь 32 %). Преобладает же позиция «Просто опасаясь перемен» (67 %), что вполне понятно и объяснимо в стране, пережившей за четверть века три кризиса и две чеченские войны.

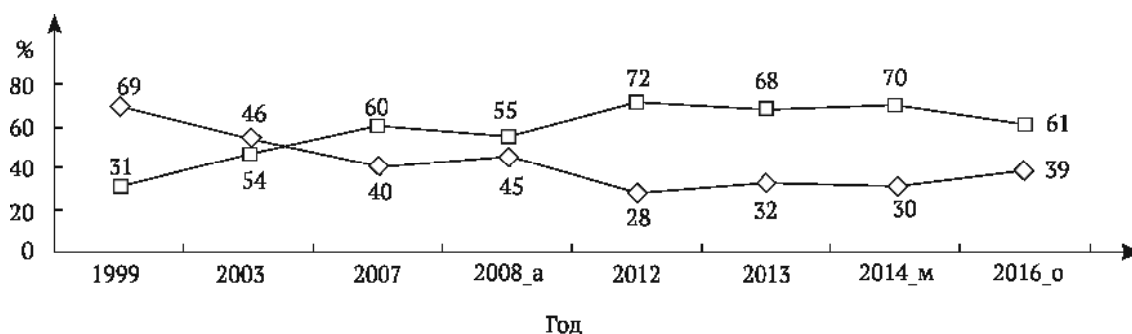


Рис. 5. Динамика оценок населением необходимости перемен в жизни России, 1999–2016 гг., %

Fig. 5. Trends in Russians' assessments of the need for change in the country, 1999–2016, %

Выявленная в ходе исследования структура симпатий/антипатий провоцирует высокую степень неопределенности ближайшего будущего страны, представленного в общественном мнении россиян. Массовое восприятие пути России – перспективы светлого будущего – в ближайшие годы будет зави-

сеть от того, как изменится позиция тех граждан, которые не удовлетворены ни деятельностью существующего правительства, ни перспективой реформ, а также от того, как политическая элита России будет реагировать на сдвиги в перспективных ожиданиях граждан страны.

### О фундаментальном и ситуативном в российском социуме (к общим выводам)

Представленные оценки и выводы, характеризующие российский социум в кризисных условиях, при всей ситуативной и, возможно, сугубо контекстной значимости вместе с тем мотивируют к осмыслению базисных проблем функционирования современного российского общества. Более того, с учетом репрезентативной верификации они вынуждают более глубоко подойти к исследованию соотношения, с одной стороны, устойчивых, фундаментальных, а с другой – динамичных, изменчивых конструкций российского социума. Так или

иначе анализ результатов всех пяти волн мониторинга обуславливает необходимость обратиться в режиме социологической диагностики к проблематике жизненных приоритетов россиян, оценить существующие в обществе модели мировосприятия, прежде всего в парадигмах традиционного и современного, соотнести их с действующей нормативно-ценностной системой, а наряду с этим понять, как вписываются в новую реальность этнонациональные и религиозные характеристики российского социума.

Если вести речь о социологической диагностике межнациональных отношений, то следует подчеркнуть: несмотря на кризисное состояние общества, россияне оценивали их по стране в целом весьма благоприятно: 45 % – как доброжелательные и спокойные, еще 40 % – как внешне спокойные, но внутренне напряженные, 14 % – как напряженные, на грани возможных столкновений.

Ресурс согласия и консолидации в межнациональных отношениях в значительной степени определяется состоянием общероссийской идентичности. Процессы ее обновления и укрепления, получившие развитие в 2000-е гг., не в пример логике экономической рецессии в кризисный период дали позитивные результаты. Так, в 2013–2016 гг. ощущение связи с гражданами страны испытывали, по данным мониторинговых исследований ИС РАН, 74–84 % населения.

Устойчивость показателей ощущения сильной связи с гражданами страны, ориентация на ценность государства, стабилизация уровня доверия к власти и окружающим есть, в сущности, свидетельство становления новой гражданской идентичности. Начало второго десятилетия 2000-х гг., в особенности 2014–2015 гг., ознаменовавшиеся проведением Олимпиады в Сочи, воссоединением Крыма с Россией, продемонстрировали усиление в обществе массовых консолидационных умонастроений.

Россияне, отождествляющие себя с гражданами своей страны, значительно чаще испытывают к ней любовь, гордость и уважение. И вместе с тем они открыты для взаимодействия с людьми иной национальности: более 80 % полагают, что государство должно поддерживать культуру всех народов страны. Кроме того, среди респондентов с выраженной гражданской идентичностью, особенно ощущающих ее в значительной степени, больше доверяющих федеральным институтам власти (прежде всего президенту и правительству). Таким образом, экспертное представление о том, что *гражданская идентичность является ресурсом сплочения российского пространства* и вносит важный вклад в укрепление уверенности людей в завтрашнем дне, находит подтверждение в массовом сознании россиян [25].

Граждане, придерживающиеся установок этнической солидарности, демонстрируют более позитивное, оптимистичное восприятие развития России, установки лояльности государству и обществу, любовь к Родине, гордость за нее. Этнически ориентированные русские в большей степени, в сравнении с другими россиянами, демонстрируют державные ориентации, характеризующиеся чувствами исторической российской общности и единства. Таким образом, можно утверждать: независимо от национальности этническая солидарность подпитывает в россиянах патриотические чувства и в негиперболизированном виде поддер-

живает социальный оптимизм и взаимное понимание.

Данные мониторинга ИС РАН дают основания и для вывода о том, что религиозная принадлежность не влияет кардинальным образом на восприятие источников угроз обществу, подтверждая тенденцию большей ориентированности на охранительные императивы приверженцев традиционных российских конфессий.

В свете современных диспозиций влияние религиозно-мировоззренческого фактора на восприятие характера угроз представляется проекцией вопроса об устойчивости цивилизационного устройства России сквозь призму социокультурных и религиозных параметров. Несмотря на то что в оценках россиян преобладает представление о приоритетности внешнего источника угроз, большинство из них склонны опасаться прежде всего негативных социальных и экономических явлений внутри страны, тогда как глобальная угроза религиозного экстремизма остается на периферии [26]. С другой стороны, общество реально волнует угроза возможных межконфессиональных конфликтов.

Как показали исследования, религиозный фактор не влияет на выбор социальных стратегий, как долгосрочных, так и сиюминутных, тем самым выпадая из массового сознания в качестве иницирующего напряжение или, наоборот, спасительного пути. Однако многозначность его проявления фиксируется в различном отношении к активизации деятельности Русской православной церкви, оценке социальной значимости религиозных организаций и демонстрации индивидуальной религиозности. Если в одних случаях это четко фиксирует наличие в обществе значимых мировоззренческих различий по параметрам «религиозное/светское», то в других – отношение к социальной деятельности религиозных организаций и оценка их реальной пользы свидетельствуют об авторизации общества, не преодолеваемой до последнего времени даже религиозными институтами. В целом можно утверждать: *в поисках нивелирования отрицательного воздействия растущего социального напряжения субъективно возрастает значимость обращения личности к Богу.*

Оценка россиянами состояния межрелигиозных отношений в обществе отражает взаимопроникновение этнических и религиозных традиций как основы социального общежития в России, но одновременно и улавливает вызов социальной стабильности и ценностному единству. Несмотря на то что деструктивный сценарий открытых столкновений в массовых оценках практически отсутствует, все же до трети россиян фиксируют скрытую угрозу межэтнического и межрелигиозного напряжения.

Социальная стабильность и ценностное единство во многом зависят от алгоритмов взаимодействия приверженцев различных религиозно-



мировоззренческих групп. Наличие различных мировоззренческих и религиозных предпочтений не разрывает символические параметры исторической и ценностной преемственности, но все же маркирует современные риски. Речь идет о некотором снижении положительных чувств в наполнении патриотизма, трактовке «русского вопроса» и сохранении поликонфессиональности и полиэтничности в качестве ценностно-смыслового и политического вектора.

Вместе с тем анализ ценностно-исторической проекции и образов желаемого будущего не выявляет непримиримых противоречий между последователями различных религиозных течений, демонстрируя тем самым устойчивые исторические и ценностные основания. И хотя религиозный проект развития России не присутствует в качестве приоритетного в общественном сознании, тем не менее *церковь* и *вера* представляются в современных условиях важными понятиями, амортизирующими и не провоцирующими социальную дестабилизацию.

Обращение в проекте ИС РАН к анализу нынешних *жизненных приоритетов россиян* свидетельствует о сохранении и некотором усилении в период кризиса тренда на индивидуализм, поддержание собственного благополучия и саморазвитие. Установки же на взаимодействие с внешним миром, различными сообществами, коллективные действия остаются мало актуальными. Важной доминантой самовосприятия россиянами новой реальности оказывается дефицит ощущения безопасности, обостренное стремление к преодолению вопиющих неравенств, самостоятельности в принятии решений и действиях. Сравнительно с жителями других европейских стран стремление к материальному благополучию и уважению со стороны окружающих является для россиян не столько самоцелью, сколько обратной стороной дефицитности этих составляющих жизни. В представлениях о направлениях дальнейшего развития страны преобладают установки на стабильность и возврат к традициям.

Но вот что очень важно подчеркнуть: для современных россиян традиция – *это не архаика, а то, что воспроизводится в конкретно-исторических условиях жизни общества и социальных групп в силу своей целесообразности, практической и духовно-нравственной полезности*. В кризисных условиях, как и в предшествующие годы, в российском социуме наблюдается процесс переосмысления ряда ценностных ориентиров, а традиционалистских ориентаций последовательно (можно даже сказать, системно) придерживается не менее трети граждан. При этом данный процесс, отличающийся внутренней противоречивостью социально-политических диспозиций, характерен для всех групп населения, в том числе и этнонациональных.

Можно считать вполне логичным, что сторонники системно-традиционных взглядов чаще придерживаются авторитарной стратегии развития России. В свою очередь, последовательно ориентированные на современные принципы поддерживают главным образом модель демократического (с европейским акцентом) развития страны. Заметим, что именно к ним в большей степени тяготеют те, кто еще окончательно не определился в своих позициях по данному вопросу (промежуточные). Однако исследование выявило своего рода оборотную и в этом смысле парадоксальную тенденцию. Как только речь заходит о выборе магистрального пути развития страны, промежуточные, колеблющиеся присоединяются к поддержке не европейского, а особого пути развития России, за который безоговорочно выступают традиционалисты. Чем объясняется подобный парадокс? По всей видимости, при тех «достижениях» Европы последнего времени, благодаря которым ее цивилизационный, культурно-вымеренный образ оказался практически стертым, сама трактовка пути общественного развития через понятие «европейский» вызывает у россиян и психоэмоциональную, и идейно-политическую идиосинкразию.

Вряд ли можно сомневаться в том, что граждане России стремятся к благосостоянию, современному комфорту, повышению уровня жизни и процветанию. Однако *для них важна не только цель, но и средства, не только финансовый эквивалент процветания, но и его содержательная сторона*. В этом плане социальное мышление россиян, что еще раз подтверждают общенациональные исследования ИС РАН, нельзя назвать чисто экономическим, оно включает в себя и определенное представление о самоуважении, основанное на достигнутых и вместе с тем просветительских по своему генезису ценностях.

В подходах к осмыслению будущего страны отчетливо проявляется одна из самых характерных черт российского менталитета – сочетание, даже *переплетение интенсивных модернизационных устремлений с традиционализмом*. При том что российское общество одержимо научно-техническим прогрессом, оно очень привержено традициям. Вместе с тем устремление россиян к традиционным жизнеустановлениям носит рациональный характер. И это в значительной степени корректирует привычное представление о коллективистских и индивидуалистских основах поведенческих установок современных россиян. Как убедительно свидетельствуют результаты мониторинговых исследований трансформационных процессов в российском обществе (и не только ИС РАН), *россияне являются не меньшими индивидуалистами, чем многие европейцы и даже американцы*. Социальная история России последнего пятидесятилетия неразрывно связана с массовой мотивацией общества

потребления, а потому в известной мере может считаться историей становления и развития индивидуалистических ценностных ориентаций. Очевидно, что кризисные периоды, переживаемые современной Россией, не заглушили, а в еще большей степени актуализировали данную тенденцию.

В контексте дрейфа нормативно-ценностной системы от культуры коллективистского типа к индивидуалистически ориентированному типу культуры выделяются *две полярные модели мировосприятия: активистская и пассивистская*. Исходя из качеств гражданской активности и самоответственности, характеризующих представителей первой модели, они в исследованиях ИС РАН были названы *пассионариями*. В свою очередь, инертность и декларативность жизненной позиции сторонников второй модели дали основания именовать их *обывателями* [27].

Как выявили результаты второй и четвертой волн мониторинга, пассионариям свойственны активистские установки на самодостаточность, отстаивание своих интересов, поиск и освоение нового (их доля в общем массиве респондентов составила 25 %). А для обывателей характерны установки на зависимость от государственной поддержки, приспособление, консерватизм (19 %). Оставшуюся до 100 % долю респондентов составили, можно сказать, *промежуточные*, т. е. люди, сочетающие в себе одновременно какие-либо активистские и пассивистские жизненные установки (56 %).

В контексте выделения моделей мировосприятия представляется важным понимание того, как россияне позиционируют себя во внешнем пространстве, каким является их самовосприятие. По итогам исследований были выявлены три главных аспекта самовосприятия среднестатистического россиянина – *безопасность, комфорт ближайшего окружения, самостоятельность*. При этом активистский компонент, готовность к действию и ответственности прослеживаются только на короткой дистанции: они замкнуты на самом человеке и его непосредственном окружении. Тревожность в отношении «большого мира», сверхактуальное стремление к безопасности, уверенность в том, что эта безопасность может быть обеспечена только государством, т. е. извне и сверху, создают условия закрепления в самовосприятии *Я-ориентированности*. Добавим к этому, что проявление *Я-ориентированной модели мировоззрения* выводит на первый план частную жизнь человека, а то, что обращено вовне, отражает его взаимодействие с окружающим миром и регламентирует это взаимодействие, оказывается на периферии личных интересов. Наиболее активная и деятельная часть общества, т. е. пассионарии, чаще ценит активистские и деловые качества, но ориентируется

при этом на качество индивидуального действия; солидарность и коллективизм востребованы пассионариями столь же мало, как и обывателями.

Таким образом, есть основания полагать, что в современных условиях модель жизненного успеха в России замкнута на самом человеке, создании им своей «крепости», поддержании ее финансовой основы и не распространяется на окружающее социальное пространство, не ориентирована на его преобразование. Она воспроизводится среди россиян всех поколений с той лишь разницей, что молодежь (разумеется, не вся) оказывается еще более далека от общественного видения успеха, чем представители средних и старших возрастных групп. Но вот что примечательно: при том что пассионарии реже заявляют об общественном, коллективном, солидарном, чаще в него реально включаются сравнительно с обывателями, которые демонстрируют «диванную версию» общественного кругозора, не конвертируя собственные декларации о коллективизме и общественных приоритетах в практические дела.

Данные, полученные в ходе реализованных в 2014–2016 гг. волн мониторинга, позволяют говорить о том, что в условиях экономического кризиса двукратному расширению группы российских бедных способствовали две параллельно сработавшие причины. С одной стороны, «оптимизация» российской экономики в целом и промышленных предприятий в частности, выразившаяся в увольнении наименее эффективной, но квалифицированной рабочей силы, главным образом мужчин; с другой – резкий скачок цен, произошедший в условиях стагнирующих зарплат (в значительной массе своей достаточно низких), спровоцировавший переход в состояние бедности многих из тех, чей уровень дохода лишь ненамного превышал накануне кризиса прожиточный минимум (периферия бедности).

Данные мониторинга свидетельствовали и о том, что институты российского государства, ответственные за состояние социальной сферы, оказались не готовы к нейтрализации рисков массового распространения бедности в условиях кризиса. Бедность продолжает рассматриваться в государственной политике прежде всего как проблема социального обеспечения, но не сферы занятости. Нынешний кризис ярко демонстрирует ошибочность подобного восприятия, равно как и подхода к преодолению отечественной бедности.

Что же касается российского среднего класса, то вопреки расхожим домыслам последствия кризисного бытия не привели к его сокращению и тем более исчезновению. Негативное воздействие кризиса на средний класс оказалось в целом меньше, чем можно было бы ожидать. Как следствие, неизменной сохранилась его численность

(42–44 %), лишь меньшинство его представителей отмечало ухудшение собственного положения в кризисный период, в его составе по-прежнему преобладала установка на решение личных проблем своими силами, а в повседневной практике – рациональные стратегии адаптации к сложным временам.

Несмотря на неудовлетворенность состоянием большинства социально значимых сфер жизни общества и отсутствием возможности (по массовым самооценкам) эффективно влиять на деятельность органов власти, россияне продолжают оказывать им доверие и не поддерживают какие-либо формы насильственной смены власти. Сегодняшняя ситуация отражает определенный баланс между интересами и возможностями как власти, так и общества. В то же время отношения между ними становятся более рациональными, опосредованными конкретными интересами и действиями их участников. Это, с одной стороны, создает объективные предпосылки для развития государственных и общественных институтов, а с другой – актуализирует вопрос о соотношении рациональных и ценностных оснований консолидации российского общества.

В целом анализ результатов проекта дает основания утверждать: в условиях кризиса в России доминирует и сохраняет свою устойчивость ценностно-нормативная система, характерная для обществ неэтакратического типа. Стержнем подобной системы является особая роль государства. Однако это отнюдь не выражает массовую потребность в авторитарном режиме и уж тем более в тоталитарном строе. Напротив, речь идет о характерном для России восприятии общества как ипостаси *державы*. При таком восприятии государство от общества неотделимо, а власти само общество выдает мандат на осуществление функции заботы о народе. Воплощение державной модели в глазах россиян предполагает всеобщую солидарность в отношении граждан и помощь тем, кто не преуспел или попал в беду. Носителем державного понимания общества и державной версии патриотизма является подавляющая часть российского населения, а не какие-либо конкретные социальные группы. За ощущением *державы* у россиян стоит чувство общности друг с другом как представителями единого целого, в основе существования которого лежит общность взглядов на основополагающие нормы и ценности.

### Библиографические ссылки

1. Инглхарт Р. Модернизация и демократия // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века / под ред. В. Л. Иноземцева. М., 2010. С. 163–182.
2. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М., 2011.
3. Inglehart R. F. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton, 1997.
4. Inglehart R. F., Norris P. Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide. Cambridge, 2004.
5. Россия в Европе: по материалам международного социологического проекта «Европейское социальное исследование» / под общ. ред. А. В. Андреевской и Л. А. Беляевой. М., 2009.
6. Лапин Н. И. Сверяем человеческие измерения модернизации (по результатам третьей волны Европейского социального исследования, 2006) // Мир России. Социология. Этнология. 2011. Т. 20, № 2. С. 33–73.
7. Шварц Ш., Бутенко Т. П., Седова Д. С. и др. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журн. Высш. школы экономики. 2012. Т. 9, № 2. С. 43–70.
8. Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа / отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М., 2005.
9. Готово ли российское общество к модернизации / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М., 2010.
10. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М., 2011.
11. Дробижина Л. М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М., 2013.
12. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / отв. ред. Л. М. Дробижина. М., 2013.
13. Горшков М. К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики) : в 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2016.
14. Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н. Глобальный капитализм. Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М., 2008.
15. Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.) / под ред. Ж. Т. Тощенко. М., 2016.
16. Российское общество и вызовы времени. Книга первая / под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М., 2015.
17. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М., 2015.
18. Горшков М. К., Седова Н. Н. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социол. исслед. 2015. № 12. С. 4–16.
19. Российское общество и вызовы времени. Книга третья / под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М., 2016.
20. Тихонова Н. Е., Каравай А. В. Ресурсы россиян в условиях кризиса: динамика и роль в адаптации к новым условиям // Социол. исслед. 2016. № 10. С. 43–53.
21. Мареева С. В. Монетарные и немонетарные неравенства в жизни россиян // Социол. исслед. 2016. № 10. С. 65–74.

22. Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая / под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М., 2016.
23. Петухов В. В. Готовность россиян к отстаиванию своих социально-экономических прав в «новой кризисной реальности» // Социол. исслед. 2016. № 11. С. 86–96.
24. Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М., 2017.
25. Дробизжева Л. М. Потенциал межнационального согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве // Социол. исслед. 2015. № 11. С. 80–90.
26. Мchedlova M. M. Религия, общество, государство: вызовы и угрозы современности // Социол. исслед. 2016. № 10. С. 110–117.
27. Sedova N. N. Жизненные приоритеты: от потребностей и интересов к действию // Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая / под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М., 2016. С. 105–130.

## References

1. Inglehart R. [Modernization and Democracy]. In: V. L. Inozemtsev (ed.). [Democracy and modernization: debates on the challenges of the twenty-first century]. Moscow, 2010. P. 163–182 (in Russ.).
2. Inglehart R., Vel'tsel' K. [Modernization, cultural change and democracy. The human Development Sequence]. Moscow, 2011 (in Russ.).
3. Inglehart R. F. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton, 1997.
4. Inglehart R. F., Norris P. Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide. Cambridge, 2004.
5. Andreenkova A. V., Belyaeva A. V. (eds). [Russia within Europe: some findings of the international sociological project «European Social Survey»]. Moscow, 2009 (in Russ.).
6. Lapin N. I. Comparing human dimensions of modernization (according to the results of the 3<sup>rd</sup> round of the European Social Survey 2006). *Universe of Russia: Sociology. Ethnology*. 2011. Vol. 20, No. 2. P. 33–73 (in Russ.).
7. Schwartz S., Butenko T. P., Sedova D. S., et al. Theory of basic personal values: validation in Russia. *Psychol. J. High. School Econ*. 2012. Vol. 9, No. 2. P. 43–70 (in Russ.).
8. Gorshkov M. K., Tikhonova N. E. (eds). [Russian identity against the background of transformations: practices in sociological analysing]. Moscow, 2005 (in Russ.).
9. Gorshkov M. K., Krumm R., Tikhonova N. E. (eds). [Is Russian society ready for modernization?]. Moscow, 2010 (in Russ.).
10. Gorshkov M. K., Krumm R., Petukhov V. V. (eds). [Twenty years of reform through the russians' eyes: experience of long-term sociological observation]. Moscow, 2011 (in Russ.).
11. Drobizheva L. M. [Ethnicity in a socio-political space of Russian Federation. 20 years of experience]. Moscow, 2013 (in Russ.).
12. Drobizheva L. M. (ed.). [Civic, ethnic and regional identity: yesterday, today, tomorrow]. Moscow, 2013 (in Russ.).
13. Gorshkov M. K. [The basics of contemporary russian society: exploring survey data] : in 2 vol. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow, 2016 (in Russ.).
14. Fedotova V. G., Kolpakov V. A., Fedotova N. N. [Global capitalism: the three great transformations. Socio-philosophical analysis of the relationship between economy and society]. Moscow, 2008 (in Russ.).
15. Toshchenko Zh. T. (ed.). [Life universe of Russians: 25 years later (the late eighties – the mid-2010's)]. Moscow, 2016 (in Russ.).
16. Gorshkov M. K., Petukhov V. V. (eds). [Russian society and challenges of the time. Book one]. Moscow, 2015 (in Russ.).
17. Gorshkov M. K., Petukhov V. V. (eds). [Russian society and challenges of the time. Book two]. Moscow, 2015 (in Russ.).
18. Gorshkov M. K., Sedova N. N. (eds). «Self-sufficient» Russians and their life priorities. *Sotsiologicheskie issled*. 2015. No. 12. P. 4–16 (in Russ.).
19. Gorshkov M. K., Tikhonova N. E. (eds). [Russian society and challenges of the time. Book three]. Moscow, 2016 (in Russ.).
20. Tikhonova N. E., Karavay A. V. Resources of Russians in times of crisis: dynamics and role in adaptation to new conditions. *Sotsiologicheskie issled*. 2016. No. 10. P. 43–53 (in Russ.).
21. Mareeva S. V. Monetary and non-monetary inequalities in the Russians' life. *Sotsiologicheskie issled*. 2016. No. 10. P. 65–74 (in Russ.).
22. Gorshkov M. K., Petukhov V. V. (eds). [Russian society and challenges of the time. Book four]. Moscow, 2016 (in Russ.).
23. Petukhov V. V. Crisis and protection of the citizen's labour rights. *Sotsiologicheskie issled*. 2016. No. 11. P. 86–96 (in Russ.).
24. Gorshkov M. K., Petukhov V. V. (eds). [Russian society and challenges of the time. Book five]. Moscow, 2017 (in Russ.).
25. Drobizheva L. M. The potential of interethnic consent. Comprehension of the concept and social practice in Moscow. *Sotsiologicheskie issled*. 2015. No. 11. P. 80–90 (in Russ.).
26. Mchedlova M. M. Religion, society, state: challenges and threats of modernity. *Sotsiologicheskie issled*. 2016. No. 10. P. 110–118 (in Russ.).
27. Sedova N. N. [Life priorities: From needs and interests to actions]. In: M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov (eds). [Russian society and challenges of the time. Book four]. Moscow, 2016. P. 105–130 (in Russ.).